

0-734637

На правах рукописи

Смирнов Сергей Викторович

**РОССИЙСКИЕ ЭМИГРАНТЫ
В СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ (НАЧАЛО 1920-х - 1945 г.):
ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ**

07.00.02 - Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург - 2002

Диссертация выполнена на кафедре истории России Уральского государственного педагогического университета.

Научный руководитель: кандидат исторических наук, профессор
Сутырин Борис Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Худобородов Александр Леонидович;

кандидат исторических, наук, доцент
Дмитриев Николай Иванович

Ведущее учреждение: Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Защита состоится «25» декабря 2002 г. в «10» часов на заседании диссертационного совета Д 004.011.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Институте истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук по адресу: 620026, г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

Автореферат разослан «21» ноября 2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета:
кандидат исторических наук

Е.Т. Артемов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В конце 1980-х - начале 1990-х гг. российское историческое сознание приоткрыло одну из закрытых страниц истории России, России Зарубежной, эмигрантской. С тех пор актуальность данной проблематики, несмотря на то, что ее изучение было инициировано событиями, прежде всего, политическими, как в исторической науке, так и в общественном российском сознании не ослабевает. Подтверждением тому может служить Конгресс соотечественников, состоявшийся в октябре 2001 г. в Москве. Конгресс собрал не только потомков и представителей различных волн российской эмиграции, но и всех заинтересованных эмигрантской проблематикой. Кроме всего прочего, Конгресс коснулся такой важной проблемы, как проблема гражданского примирения между различными частями российского сообщества начало раскола, которого положили события революции 1917 г. и гражданской войны. Отмечалось, что «новая Россия перестала считать эмигрантов дальнего зарубежья предателями, дав моральное право им решать: где хорошо -там и жить»¹. Между тем на уровне массового российского сознания еще продолжают сохраняться элементы стереотипа негативного восприятия России белой, эмигрантской, заложенные в советский период. В этом отношении изучение истории российской эмиграции способствует процессу сближения двух России.

Существует большое количество разнообразных аспектов в исследовании истории российской эмиграции, которые, как отмечал академик Г.В. Мелихов, являются порождением самой новизны и неизученности проблемы². В своей работе мы обращаемся к такому аспекту истории российской эмиграции в северо-восточном Китае (Маньчжурии), как социальная адаптация эмигрантов в условиях новой социально-культурной среды.

Актуальность избранной темы обусловлена еще рядом факторов. Во-первых, после распада Советского Союза его территория стала ареной крайне интенсивной миграционной активности, теснейшим образом связанной с проблемой адаптации мигрантов. В связи с этим опыт изучения конкретной группы российской эмиграции в свете сегодняшних этнополитических процессов в России представляется достаточно важным.

Во-вторых, чрезвычайный интерес представляет изучение опыта приспособления русских в ситуации резкого, катастрофического изменения всех условий жизни с точки зрения выявления потенциальных возможностей русской культуры к самосохранению и творческому взаимодействию с чужой средой. Это тем более интересно, что современное российское общество переживает связанный с ломкой устоявшихся стереотипов период коренного пере структурирования жизненных моделей, ориентации, который чем-то напоминает ситуацию эмиграции.

В-третьих, важным обстоятельством являются геополитические соображения. Соседство двух великих держав, России и Китая, взаимоотношения которых во многом определяют международную обстановку в Азии, в различные исторические периоды носило разный характер. Но никогда русская и

¹ Россия без белых, Россия без красных // Российская газета. 2001. 12 окт. С.5.

² Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917-1924 гг.). М., 1997. С.5.

китайская культуры не соприкасались столь тесно, как в первой половине XX в. В этом отношении рассмотрение позитивного опыта взаимодействия двух культур и народов, открывающее потенциальные возможности для использования этого опыта в современных условиях, особенно актуально.

Объектом диссертационного исследования выступает российская эмигрантская колония в Северной Маньчжурии в 1920-х - середине 40-х гг.

Предметом исследования является процесс социальной адаптации российских эмигрантов к условиям новой социально-культурной среды.

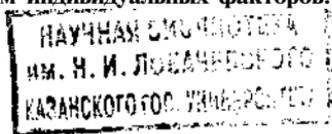
Социальную адаптацию мы, вслед за представителями исторической социологии, рассматриваем как процесс приспособления индивида при помощи различных социальных средств в направлении растущего соответствия и совместимости с новой социально-культурной средой. Адаптация является собой динамичный, длящийся во времени процесс. Это своего рода континуум, на одном конце которого - дезадаптация или отторжение, а на противоположном - ассимиляция.

Формы, содержание и результаты социальной адаптации эмигрантов напрямую связаны с мотивами эмиграции. Мотивации определяют тип миграционного поведения. Принимая за основу различие мотиваций миграции, обычно выделяют беженцев, вынужденных и добровольных мигрантов. Постереволюционная эмиграция из России носила в основном вынужденный характер, зачастую принимая форму бегства. В ее мотивах, безусловно, преобладал аффективный компонент, нежели целерациональный выбор. Мотивационная основа предопределила выбор формы адаптации российских эмигрантов, который обозначают как вынужденная (или внешняя) адаптация, когда для удовлетворения своих жизненно важных целей индивид, не принимая новых социальных ценностей, противоречащих его представлениям и установкам, тем не менее, вынужден согласовать свое поведение с нормами социального окружения, подчиняться правилам «новой игры».

На процесс социальной адаптации оказывают влияние множество факторов, которые могут, как способствовать, так и препятствовать этому процессу. Условно все факторы можно разделить на внешние и внутренние (индивидуальные). Внешние факторы связаны с конкретно-историческими условиями, культурными особенностями страны пребывания, деятельностью определенных институтов. К индивидуальным факторам социальной адаптации относятся такие, как социальная и профессиональная принадлежность индивида, половозрастные и личностные характеристики, национальность и т.д.

Акцент на тех или иных факторах определяется целями исследования. В нашем случае внешние факторы социальной адаптации выступают скорее как составляющие исторического и социального контекстов, в которых действуют конкретные индивиды, рассматриваемые нами не в качестве жертв объективных обстоятельств, а в качестве активных личностей, контролирующих свою жизнь и формирующих свое будущее.

Целью диссертационного исследования является характеристика процесса социальной адаптации российских эмигрантов в Северной Маньчжурии с позиции обусловленности его влиянием индивидуальных факторов.

Для решения поставленной цели выделяются следующие задачи:

- на основе анализа индивидуального опыта, выраженного в биографических источниках, выявить социальные механизмы адаптации эмигрантов - к каким социальным средствам прибегали индивиды в процессе приспособления к меняющимся условиям социально-культурной среды Северной Маньчжурии на протяжении 1920-х - середины 1940-х гг.;
- проанализировать соотношение и влияние внешних и внутренних факторов адаптации на выбор адаптационных стратегий эмигрантами первого и второго поколений;
- выделить сходство и различие в процессе приспособления представителей первого и второго поколений эмигрантов в Северной Маньчжурии;
- рассмотреть типичные траектории социальной мобильности индивидов в новых условиях, как показатель результата адаптации.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 1920-х по 1945 г. Вплоть до 1920 г. российское население в Китае пользовалось особыми правами (экстерриториальность, консульская юрисдикция), предоставленными им на основе ряда соглашений конца XIX — начала XX вв. между Российской империей и Китаем. В 1920 г. русские потеряли все эти права, превратившись в людей без гражданства, эмигрантов, а падение белых правительств на Востоке России в 1920-1922 гг. закрыли для них возможность возвращения на Родину. То есть начало 1920-х гг. следует считать начальной точкой отсчета существования российской эмиграции на территории Китая. Верхняя граница определена событиями советско-японской войны августа 1945 г., которые привели к установлению советского контроля над северо-восточным Китаем. В результате деятельности советских органов госбезопасности по насильственной репатриации эмигрантов с этой территории в 1945-1946 гг. эмигрантская колония в Маньчжурии фактически была уничтожена. Внутри рассматриваемого хронологического периода можно выделить два этапа. Первый (1920-1931 гг.) - этап существования на территории Маньчжурии Особого района Восточных провинций (ОРВП), практически автономного от пекинского правительства. Второй (1932-1945 гг.) - этап, связанный с оккупацией Маньчжурии Японией и существованием здесь государства Маньчжоуго. В отдельных случаях автор обращается к периоду, предшествовавшему 1920 г., что, однако, не противоречит общим принципам выбора хронологических рамок.

Территориальные рамки исследования ограничены территорией Северной Маньчжурии с бывшей полосой отчуждения КВЖД, где была сконцентрирована основная масса российских эмигрантов в Китае. Внутри указанных территориальных рамок центральное внимание уделено Харбину, где проживало свыше половины всех российских эмигрантов Маньчжурии, и где процесс социальной адаптации эмигрантов разворачивался во всей его вариативности и полноте.

Методология настоящего исследования строится на основе относительно новых разработок в области современных гуманитарных наук, во многом базирующихся на феноменологической парадигме. В рамках вызванных к жизни постмодернистской мыслью научных направлений, таких как «новая

историография», «новая интеллектуальная история», «микроистория», «другая социальная история», а также историческая социология, произошло смещение угла зрения с объективных, внешних по отношению к индивиду элементов (структур, институтов) на конкретного индивида, исторического актора. В связи с чем, была принята установка на изучение постоянно меняющейся ситуации конкретной жизненной практики. Воздействие базовых общественных структур стало исследоваться не абстрактно, но через их влияние на конкретных субъектов, способных испытывать и преобразовывать это воздействие сугубо индивидуально. Смена объекта исследования привела к изменению исследовательских процедур, центральное место среди которых заняли интерпретационные методики.

Исследуя процесс социальной адаптации российских эмигрантов, мы в центр внимания поставили категории «опыта» и «переживания», которые образуют основу внутренней связи субъекта истории с объективными детерминантами его индивидуального и коллективного поведения. В исследовании постижение «субъективной реальности» оказывается тесно сопряжено с анализом макроструктур и макропроцессов. Категориальный аппарат нашего исследования процесса социальной адаптации эмигрантов включает в себя следующие основные понятия: «стиль жизни», «адаптационные стратегии», индивидуальные, семейные, групповые «ресурсы», разноуровневые социально-исторические «контексты».

Основу нашего исследовательского инструментария составил активно используемый как в новой социальной истории, микроистории, так и в исторической социологии, биографический метод, имеющий в своей основе феноменологическую идею непрерывного процесса конструирования реальности в повседневной жизнедеятельности индивида (работы П. Бергера, М. Коли, А. Шюца и др.). В фокусе биографического подхода находится жизненный путь человека, описываемый через смену социальных ролей и стереотипов поведения, и рассматриваемый в контексте занимаемого им на том или ином этапе жизни жизненного социального пространства, обусловленного влиянием микро- и макроструктур.

Выделение из разнородной совокупности жизненных историй достаточно однородных типов жизненных траекторий для выявления закономерностей протекания процесса социальной адаптации на индивидуальном уровне обусловило обращение к сравнительно-сопоставительному методу.

Необходимость распространить результаты полученного анализа ограниченного объема индивидуальных жизненных траекторий на более широкую социальную общность, заставили нас обратиться к количественным методам с их квалификацией нарративной информации.

Научная новизна исследования состоит как в постановке основных проблем, так и в методике работы. Впервые в отечественной историографии в изучении проблем социальной адаптации эмигрантов ракурс смещается в сторону индивидуальных факторов приспособления к новой социально-культурной среде, в область конкретной социальной практики отдельных индивидов. Смещение ракурса исследования привело к использованию соответствующего методического инструментария, в частности, междисциплинарных

методов исследования, еще мало применяемых в отечественной исторической науке. Новизной исследования является введение в научный оборот таких малоиспользуемых в исторических исследованиях источников, как архивно-следственные дела репатриантов и биографические интервью.

Теоретическая и практическая значимость диссертации заключается в попытке теоретико-методического и практического освоения одного из аспектов изучения миграционного процесса. Полученные результаты могут быть применены для исследования процессов адаптации российских эмигрантов в других регионах их расселения. Также они могут быть использованы в работе по созданию обобщающей картины жизни Русского Зарубежья и при чтении специальных курсов по истории российской эмиграции.

Апробация основных положений исследования была предпринята на международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях в С.-Петербурге (2001 г.) и Екатеринбурге (2000, 2001, 2002 гг.).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, приложений. Основное содержание диссертации изложено на 277 страницах. Приложения содержат 208 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, определяется объект и предмет изучения, хронологические и территориальные рамки, формулируются цели и задачи работы, характеризуется методология исследования, определяется его научная новизна и практическая значимость.

В первой главе диссертации «Историография и источники» рассматривается степень изученности проблемы и анализируется источниковая база настоящего исследования.

Изучение, как общих проблем истории Зарубежной России, так и ее различных аспектов имеет уже достаточно длительную историю. В отечественной исторической науке, следуя за сложившейся в 1990-е гг. традицией, стоит выделить три периода в изучении проблем истории российского зарубежья: 1) 1920-е - середина 1950-х гг.; 2) середина 1950-х - рубеж 1980-90-х гг.; 3) 1990-е - начало 2000-х гг.

В рамках первого периода необходимо отметить 1920-е гг., которые выгодно отличались от 1930-х и 40-х гг. Характер литературы 1920-х гг. об эмиграции определял главным образом не научный интерес, а накал политической борьбы между Россией советской и Россией белой, зарубежной¹. Именно тогда и были сформулированы те идеологические клише, которые зачислили всех эмигрантов в состав контрреволюции, как часть «капиталистического окружения», носителей идеи реставрации, закрепившиеся в историографии вплоть до конца 80-х гг. Из всех аспектов эмигрантской проблемы рассматривалась преимущественно деятельность контрреволюционных организаций, направленная

¹ Белов В. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. М.-Пг., 1923; Киржниц А. У порога Китая. Русские в полосе отчуждения КВЖД. М., 1924; Полевой Е. По ту сторону границы. Белый Харбин. М.-Л., 1930, и др.

на свержение советской власти. Как самостоятельная тема эмиграция глубоко и всесторонне не исследовалась. Более того, с начала 1930-х гг. все темы, связанные с эмиграцией, фактически попали в разряд «запрещенных».

Из литературы 1920-х гг., посвященной дальневосточной эмиграции, стоит отметить работы А. Киржница и Е. Полевого. Оба автора, беспощадно клеймя всю белую эмиграцию, тем не менее, дифференцируют эмигрантскую массу по различным группам и категориям, различающимся не только своей ролью в эмигрантском сообществе, но и особенностями приспособления к эмигрантскому житью, что отчасти совпадает и с нашими изысканиями.

С середины 1950-х гг. наступил новый этап в развитии отечественной историографии российского зарубежья. В 1970-80-е гг. вышел ряд исследовательских работ по теме русской эмиграции, которые, хотя и были написаны в рамках устойчивой формационной парадигмы, но уже без жесткого помешения всего эмигрантского сообщества в контекст «капиталистического окружения» (работы Л.К. Шкаренкова, В.В. Комина, Ю.В. Мухачева, Г.Ф. Барихновского и др.).

Первая попытка обобщения материалов по истории российской эмиграции в Китае была предпринята В.В. Сониным¹. Констатируя слабость приспособления эмигрантов к социально-культурной среде Китая, автор одной из главных причин, препятствовавших этой интеграции, считает полное несоответствие культурных норм и мировоззренческих установок русских и китайцев, а также распространенность среди русских взгляда на Китай как страну отсталую.

Постсоветская историография российского зарубежья характеризуется как значительным увеличением количества публикаций, так и расширением познавательного поля, использованием новых методов в исследовании истории эмиграции. Наиболее крупными работами последнего периода, посвященными истории дальневосточной эмиграции, являются исследования Г.В. Мелихова, Л.Ф. Говердовской, Н.Е. Абловой, А.А. Хисамудинова, В.Ф. Печерицы и О.И. Кочубей². Рассматривая проблему приспособления эмигрантов к новым условиям жизни, авторы указывают положительное влияние на этот процесс особой социально-культурной среды полосы отчуждения КВЖД, существования российских экономических, образовательных, религиозных и других структур в крае, деятельности многочисленных, стихийно сформировавшихся эмигрантских организаций.

Основная масса публикаций по истории дальневосточной эмиграции представлена статьями и тезисами докладов на различных научных конференциях. Исследователи в своих работах затрагивают разнообразные сюжеты и проблемы истории этой ветви российской эмиграции. Одной из центральных

¹ Сонин В.В. Крах белоэмиграции в Китае: Учеб. пособие. Владивосток, 1987.

² Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск: БГУ, 1999; Говердовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917-1931 гг. М., 2000; Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917-1924 гг.). М., 1997; Печерица В.Ф., Кочубей О.И. Исход и возвращение... (Русская эмиграция в Китае в 20-40-е гг.). Владивосток, 1999; Хисамудинов А.А. По странам рассеяния Владивосток, 2000. Ч.1. Русские в Китае.

проблем, притягивающих к себе внимание исследователей, является общественно-политическая жизнь эмигрантской колонии и деятельность наиболее крупных общественно-политических организаций эмиграции (работы Е.Е. Аурилене, Л.С. Малявиной, Н.А. Олещук, С.В. Онегиной и др.).

Публикации ряда исследователей посвящены анализу положения, деятельности и в определенной степени особенностям приспособления отдельных социальных и национальных групп дальневосточной эмиграции: казачества (А.Л. Худобородов, О.И. Сергеев), еврейской и украинской общинам (В.В. Романова, Е.Н. Чернолуцкая), женщин-эмигранток (Н.А. Василенко, С.И. Лазарева и др.).

Особое внимание исследователей привлекает проблема сохранения русского культурного наследия в условиях дальневосточной эмиграции. Деятельность в этом направлении таких институтов, как русская школа, православная церковь, молодежные организации, учреждения культуры, представлены в работах В.Ф. Ершова, И.Ф. Царька, Г.В. Мелихова, Г.В. Прозоровой, А.А. Хисамутдинова, А.В. Шободаева и др.¹

Зарубежная историография российской эмиграции начала складываться в 1920-30-е гг. и была посвящена главным образом западной ветви русского зарубежья. Одной из наиболее значительных зарубежных работ по истории российской эмиграции является произведение М. Раева², в котором автор, как и другие исследователи, указывает набор внешних факторов, способствовавших и мешавших интеграции российских эмигрантов в инокультурную среду. Определенный интерес представляют для нас работы Дж. Стефана и Дж. Картера³.

Тесно к западной истории изучения российской эмиграции примыкает эмигрантское направление историографии, крупнейшим представителем которого является П. Балакшин⁴. Он стал одним из первых исследователей, которые выделили набор внешних факторов как препятствовавших, так и способствовавших приспособлению эмигрантов к новой среде. Интересный материал о жизни российских эмигрантов в Китае приводят в своих работах И.И. Серебrenников и В. Петров⁵.

В последнее десятилетие усилился интерес китайских историков к проблемам российской дальневосточной эмиграции. Можно выделить два направ-

¹ Мелихов Г.В. Христианский союз молодых людей в Харбине // ПДВ 1996. №6. С.118-122; Прозорова Г.В. Скаутизм русского восточного зарубежья // Российская эмиграция на Дальнем Востоке.... С. 100-106, Царек И.Ф. Становление и развитие юношеского движения среди российской эмигрантской молодежи (РЭМ) в Северном Китае в 20-30-е гг. // Миграционные процессы.... С. 165-167; Хисамутдинов А.А. Общество русских ориенталистов в Харбине // Восток. 1999. №3. С. 104-114; и др.

² Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919-1939. М., 1994.

³ Стефан Дж. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925-1945. М., 1992; Carter J. Peeling onion domes: attempts to sinify Harbin's physical and cultural landscape, 1917-1928 // Дальний Восток России - Северо-Восток Китая.... С.90-92.

⁴ Балакшин П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке. Сан-Франциско - Париж - Нью-Йорк: Сириус, 1958. Т.1, 2.

⁵ Петров В. Город на Сунгари. Вашингтон, 1984; Серебrenников И.И. Великий отход. Рассеяние по Азии белых Русских Армий. 1919-1923. Харбин: Изд-во М.В. Зайцева, 1936..

ления в оценке влияния русских на различные сферы Маньчжурии в китайской историографии. Ши Фан, Лю Ин, Лянлун Жао и другие указывают на активное и плодотворное влияние русской эмигрантской колонии на экономическое и культурное развитие Маньчжурии¹. Другое направление негативно характеризует деятельность царской России в Китае, наследницей политики которой стала русская эмиграция. Ярким примером здесь является работа Ли Мэн². Наиболее крупным достижением китайской историографии в изучении российской эмиграции можно считать коллективную работу, выполненную под руководством профессора Ли Сингэна³. Исследователи постарались остаться нейтральными в своих оценках, сосредоточив свое внимание на роли и мере участия русских эмигрантов в политической, экономической, культурной сферах Маньчжурии.

Обращаясь конкретно к проблеме социальной адаптации российских эмигрантов в трудах отечественных и зарубежных историков, необходимо отметить, что данная проблематика в качестве самостоятельной темы исследования в российской исторической науке выделилась лишь в 1990-е гг. В течение последнего десятилетия благодаря исследовательской деятельности ряда отечественных историков, социологов, этнологов и психологов сложился целый комплекс литературы, посвященной проблеме адаптации мигрантов, в которой в той или иной мере рассматриваются как теоретические и методологические вопросы данной проблемы, так и конкретные проявления процесса адаптации российских эмигрантов.

В определенной степени теоретические вопросы проблемы адаптации российских эмигрантов к условиям новой среды проживания нашли отражение в тематических сборниках, выпущенных по инициативе ИРИ РАН⁴, где основной интерес представляют статьи Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле и В.М. Селунской. Кроме того, стоит отметить коллективную работу «Эмиграция и репатриация в России», исследования Н.С. Фрейнкман-Хрусталева, А.И. Новикова, Н.Л. Крыловой, О.К. Антропова и др.⁵. Авторы отмечают, что в связи с потерей родины эмигранты в своем подавляющем большинстве утратили свой прежний социальный, сословно-классовый, профессиональный статус и переживали состояние маргиналов, что порождало утрату ценностных ориентации, раздвоенность личности, преобладание пессимистических настроений. Для

¹ Лю Ин. Торгово-экономические связи России и Китая в Маньчжурии в первой трети XX в.: Дисс. канд. ист. наук. Пенза, 2001; Лянлун Жао. Краткий очерк о русских эмигрантах, проживавших в Харбине с 1917 по 1932 г. // Дальний Восток России - Северо-Восток Китая.... С.286-288; Ши Фан. Иммигранты в районе Хэйлуцзяна // Россия и АТР. Владивосток, 1992. №2. С.81-95.

² Ли Мэн. Харбин - продукт колониализма // ПДВ. 1999. № 1. С. 118-127.

³ Фэн юй фулин: Эго цзяолин цзай Чжунго (1917-1945) Пекин, 1997.

⁴ История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX-XX вв. М., 1996; Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX вв. М., 1997; Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX-XX в.). М., 1999.

⁵ Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окорочков А.В. Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. Фрейнкман-Хрусталева Н.С., Новиков А.И. Эмиграция и эмигранты. История и психология. СПб., 1995; Крылова Н.Л. Русские женщины в Африке. Проблема адаптации. М., 1996; Антропов О.К. Концепция жизни и менталитет российской эмиграции // Россия в XX веке: проблемы изучения и преподавания. М., 1999. С 107-110; и др.

того чтобы эффективно адаптироваться к новой среде необходимо было непрерывное и многостороннее общение иммигранта с населением принимающей страны. Стимулирующими факторами такого общения являются стабильность экономического и политического положения, благоприятная эмиграционная политика, наличие спонсирующих эмигрантов фондов, а также существование в принимающей стране соответствующей этнической общины, способной оказать первоначальную материальную и моральную поддержку иммигранту. Тормозят эффективную адаптацию проблемы языкового и психологического барьеров, порождающие «синдром отчуждения», что нередко ведет к потере эмигрантами психологической устойчивости, усугубляемой тяжестью материального положения.

В работах отечественных социологов, психологов и этнологов, посвященных проблемам адаптации российских эмигрантов, отмечается неадекватность использования западного понятийного аппарата, сложившегося в терминах целерационального выбора, для изучения данной проблемы. Особенно это касается российских эмигрантов первой волны. Разводятся понятия «добровольной» и «вынужденной» миграций, строящихся на различной мотивационной основе, что, в свою очередь, определяет и характер адаптационных процессов. Соответственно адаптация может быть добровольной и вынужденной. Адаптацию эмигранта первой волны скорее стоит рассматривать как внешнюю, предполагающую изменение поведения индивида и согласование его с нормами социального окружения, но не затрагивающую базовые ценности личности и индивидуальных норм. Как отмечают исследователи, адаптация, как комплексное социальное явление, может быть измерена набором показателей - общественными и индивидуальными, объективными и субъективными, социальными и психологическими, которые отбираются в зависимости от цели работы'.

Непосредственно проблеме адаптации российских эмигрантов дальневосточной ветви посвящены работы У Нань Линя, СИ. Лазаревой, Я.Л. Писаревской, Н.Л. Аблажей, И.А. Батожка, Н.Л. Горкавенко и Н.П. Гридиной². Исследователи четко делят процесс адаптации российских эмигрантов в Маньчжурии на два периода, водоразделом которых являются события оккупации

¹ Беженцы. Динамика перемещений: Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. М., 1989; Айрапетов В.С. Социальная адаптация вынужденных мигрантов и беженцев // Вестник РАН. 1993. №10. С.889-893; Судьбы людей: Россия. XX век: Биографии семей как объект социологического исследования. М., 1996; Шабанова М.А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социс. 1995. №9. С.81-88; и др.

² Аблажей Н.Л. Эмиграция из Восточных районов России в 1920-1930 гг.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Новосибирск, 1997; Батожок И.А. Русская эмиграция из Китая в Калифорнию: специфика миграционного процесса (1920-1950-е гг.): Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 1996; У Нань Линь. Проблема адаптации русских эмигрантов в Китае в 20-30 гг. XX в. М., 2001; Лазарева СИ. Проблема адаптации российских эмигрантов в Китае (20-е - середина 40-х гг. XX в.) // Дальний Восток России в контексте мировой истории.... С. 179-183; Писаревская Я.Л. Российская диаспора в северо-восточном Китае: проблемы культурной адаптации и реэмиграции // Россия в XX в.: проблемы изучения и преподавания: Мат. науч. конф. М., 1999. С.74-76; Горкавенко Н.Л., Гридина Н.П. Адаптация российской научной интеллигенции в странах дальневосточного зарубежья в 20-30-е гг. // Российская эмиграция на Дальнем Востоке... С.63-79.

северо-восточного Китая, выделяют основные проблемы этого процесса (правовую, профессиональную, этнокультурную), практически не раскрывая их содержания. Все внимание этих исследователей сосредоточено на влиянии внешних факторов на процесс адаптации эмигрантов. Исключением здесь является только статья Я.Л. Писаревской¹, в которой автор обращается к личной стороне этого процесса, опираясь на биографические интервью выходцев из семей рабочих и служащих КВЖД, возвратившихся в 1935 г. в СССР. Оценки взаимоотношений между представителями эмигрантской и советской частей русской колонии, личностные характеристики изменений обстановки в Маньчжурии имеют для нас большой интерес и, в целом, соотносятся с нашими материалами. На индивидуальные факторы адаптации указывает в своей работе и Н.Л. Аблажей, обращаясь к биографиям представителей сибирской интеллигенции в эмиграции, хотя она и не концентрирует на них внимание.

В зарубежной историографии, насколько позволяют судить наши изыскания, проблема адаптации российских эмигрантов в странах Восточной Азии в качестве самостоятельной темы не рассматривалась.

В целом, принимая во внимание большой вклад российских и зарубежных исследователей в изучение проблемы социальной адаптации российских эмигрантов в Китае, необходимо отметить, что остается недостаточно разработан теоретико-методологический аспект проблемы адаптации эмигрантов «первой волны» к условиям чужой социально-культурной среды, что сказывается на отсутствии четких критериев адаптационного процесса, единого понятийного аппарата и т.д. Исследовательская литература, затрагивающая вопросы адаптации эмигрантов, касается главным образом внешних факторов этого процесса - влияния социально-экономических и политических условий в стране пребывания, деятельности эмигрантских и международных организаций, политико-правового статуса эмигрантов и т.д. При этом анализ «личностного измерения» этого процесса практически отсутствует.

Источниковая база настоящего исследования представлена разнообразными видами исторических источников, центральное место среди которых занимают источники личного происхождения, что полностью отвечает поставленным задачам исследования.

Первую группу используемых нами источников личного происхождения составили как опубликованные, так и неопубликованные мемуары бывших эмигрантов, обнаруженные нами в фондах российских архивов² и на страницах различных печатных изданий³. К этой же группе источников личного происхождения можно отнести созданные бывшими эмигрантами художествен-

¹ Писаревская Я.Л. Две России в Маньчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е - начало 30-х гг.) // <http://www.zarub.irex.ru>

² Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1337. Воспоминания и дневники В.А.Морозова; Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф.Р-4. Коллекция документов членов Свердловского отделения общественной организации Ассоциации «Харбин»; и др.

³ «Русская Атлантида» (Челябинск), «Политехник» (Сидней, Австралия), «Атлантида. Русская летопись» (Сидней), «Друзьям от друзей» (Сидней) «На сопках Маньчжурии» (Новосибирск), «Русские в Китае» (Екатеринбург); и др.

ные произведения, основанные, прежде всего, на воспоминаниях авторов¹. Вторая группа источников личного происхождения представлена дневниками и письмами эмигрантов². Среди этих документов выделяется дневник И.С. Ильина, вещь, по истине, уникальная. Дневник, содержащий подробные и регулярные записи, охватывает значительный период существования российской эмиграции в Маньчжурии, 1920-1938 гг. В третью группу источников личного происхождения входят автобиографические интервью, записанные автором в процессе бесед с бывшими эмигрантами, членами Екатеринбургского отделения Ассоциации «Харбин».

Кроме того, биографические материалы содержатся в архивно-следственных делах репатриантов из Маньчжурии, которые хранятся, в частности, в фондах ГААОСО. В состав архивно-следственных дел входят как собственно следственные материалы, так и нередко документы разнообразного характера, привлекавшиеся в качестве «вещественных доказательств». Это документы эмигрантских организаций, личные документы (письма, записные книжки, фотографии, удостоверения и т.п.), материалы периодической печати. Нами проанализировано свыше 400 архивно-следственных дел, свыше 200 наиболее информативных из них приведены в виде базы биографических данных в приложении.

Все названные выше виды источников, объединенные тем, что они дают информацию о жизненном опыте, субъективных особенностях, индивидуальном выборе, можно обозначить термином «жизненные истории». Характеризуя основные группы используемых нами источников, мы сделали центральным понятие «тематизация». Тематизацию мы рассматриваем как структурную и содержательную обусловленность (заданность) жизненной истории самим жанром и культурной формой (нормой) самосознания и сознания жизни в данном социально-историческом контексте (жанровая тематизация) и наличием социального воздействия - давления, поощрения, цензуры - на повествующего (внешняя тематизация).

Жанровая тематизация тесно увязана с исторической и социально-культурной локализацией, с идентификацией или даже метаидентификацией - чем-то установленным со стороны, незримо присутствующим помимо воли автора и неподконтрольной ему структурной трансформации культуры. Как отмечают исследователи, чем более наивен рассказ о жизни, тем ближе его структура к слою обыденного сознания той среды, к которой принадлежит рассказчик. Наоборот, чем выше рефлексивность рассказчика, его коммуникативная и культурная компетентность, тем с большей вероятностью могут быть использованы условности стилистических средств, тем вероятнее тематическая селекция воспоминаний, фактов и способов их подачи и описания.

¹ Дземешкевич Л.К. Харбинские были. Омск, 1999; Жемчужная 3. Пути изгнания. Урал, Кубань, Москва, Харбин, Тяньцзинь. Воспоминания. Эрмитаж, 1987; и др.

² ГАРФ. Ф.Р-6599. Ильин Иосиф Сергеевич. Оп.1. Д.2-14; Ф.Р-7043. Штаб русской группы войск Шаньдунской армии. Оп. 1. Д.9-11,15. Дневник полковника Тихообразова; Нилис А. Скитальцы: Документальная повесть. Б.м., 1992; и др.; ГАРФ. Ф.Р-5873. Серебренников И.И. Оп.1. Д.27, 35, 73, 78; Ф.Р-7043. Оп.1. Д.7, 16.

Жанровая тематизация вероятно наиболее выражена в литературных произведениях биографического характера. В меньшей степени ей подвержены мемуары и биографические интервью, хотя и здесь в той или иной степени выражены самоцензура, ориентация на значимых других и т.п. Кроме того, нельзя исключить ограниченности основного источника, используемого для создания истории жизни, - человеческой памяти. В этом отношении плодотворно соотношение информации мемуаров с информацией дневников и писем, содержание которых не детерминировано знанием последующих событий, а оценка реальной ситуации и сама ситуация не имеют большого временного разрыва. Жанровая тематизация биографических материалов архивно-следственных дел, которые только с известной долей условности можно называть жизненными историями, определена самим характером документа и установками его создателей, почти лишенных индивидуальных черт винтиков огромной государственной-репрессивной машины. Особое выделение фактов «антисоветской» деятельности эмигранта из жизненного контекста его биографии детерминировало тип судьбы индивида - врага советской власти, советского государства. Вместе с тем, жанровая тематизация различных частей архивно-следственных дел, которые являются комплексным источником, не однородна. В меньшей степени ей подвержены собственноручные показания репатриантов, материалы первых допросов и судебного разбирательства в ходе реабилитации.

Внешняя тематизация оказывает влияние на отбор биографической информации, в той или иной мере выделяя события и факты, подлежащие более или менее детальной характеристике, тем самым, задавая параметры варианта жизненной судьбы. Чем выше авторитарное давление на автора, тем вероятнее, что содержанием повествования могут оказаться только общезначимые, банальные моменты жизни, выделенность которых основывается на институциональном, групповом или культурном признании. По степени выраженности внешней тематизации используемые нами группы источников можно расположить в следующем порядке: мемуары, биографические интервью, материалы архивно-следственных дел.

Внешняя тематизация мемуаров (особенно современных и зарубежных) мало зависит от внешнего давления и цензуры, будучи обусловленной главным образом внутренней самоцензурой и ориентацией на тех значимых других, которые всегда незримо присутствуют между исповедующимся и чистым листом бумаги. Внешняя тематизация биографических интервью выражена сильнее, поскольку инициатива создания жизнеописания исходит не от автора, а от интервьюера. Однако, придерживаясь определенных правил, ее можно свести к минимуму. В биографических материалах архивно-следственных дел внешняя тематизация получила наибольшее выражение, поскольку ситуация следствия носила роль социального принуждения. Вместе с тем, как уже упоминалось, архивно-следственные дела являются документом комплексным и различные его части в разной степени подвержены внешней тематизации. Как показывают наши изыскания, в биографических материалах архивно-следственных дел практически нет сфабрикованных фактов. Зачастую, уже существовавшим фактам придавалась необходимая интерпретация.

Выявление уровня тематизации различных типов жизненных историй позволяет определить насколько их содержание ориентированно на заданный обществом или сообществом образец (метаидентичность), скорректировано в соответствии с условиями, в которых создавалась «история». Это в свою очередь открывает возможность выстраивания путем сопоставления информации разных видов жизненных историй между собой, а также с информацией других видов источников, близкой к реальности жизненной перспективы изучаемой нами социальной группы.

Для создания макроуровня исследования - исторических и социальных условий, в которых действовали конкретные индивиды, мы наряду с материалами научных исследований по истории эмиграции в Маньчжурии, используем такие виды источников, как разнообразные сборники документов, эмигрантская периодическая печать, справочную литературу, материалы делопроизводства отдельных эмигрантских структур, юбилейные сборники и т.п.

В ходе реконструкции процесса социальной адаптации эмигрантов мы стремились взаимно восполнить недостатки различных типов жизненных историй. Так, незначительный объем биографической информации, исходящей от представителей первого поколения эмигрантов, почти полное отсутствие мемуарной литературы и других личных источников, принадлежащих представителям непривилегированных социальных слоев и нерусских национальных общин, мы старались дополнить за счет материалов архивно-следственных дел. Наоборот, информационную недостаточность и тенденциозность материалов архивно-следственных дел - информацией мемуаров, дневников, писем и т.п.

Исходя из положения, выдвигаемого биографическим методом, биографические повествования в своей совокупности могут стать предметом анализа как коллективный опыт «проживания» определенной социальной ситуации. Сравнительный анализ большого числа аналогичных случаев создает основу для описания социальной проблемы, которая вырисовывается за сходными обстоятельствами и действиями, за общей социальной практикой людей. Концентрируя свое внимание на типичных формах поведения, групповых характеристиках, нашедших выражение в используемых нами биографических документах, мы считаем вполне возможным и стремимся создать в нашем исследовании своего рода «коллективную» или, по типологии Дж. Леви¹, «модальную биографию» представителей определенной социальной группы в конкретных исторических условиях.

Во второй главе диссертации «Первое поколение российских эмигрантов» исследуется процесс приспособления представителей старшего поколения российских эмигрантов к условиям новой социально-культурной среды через призму частного социального опыта.

Основная часть российской эмигрантской колонии в Северной Маньчжурии сформировалась в результате трех «беженских волн», пришедшихся на 1920-1922 гг. Вопрос численности российских эмигрантов в Маньчжурии в

¹ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история М., 1998. С.265.

начале 1920-х гг. остается дискуссионным до сих пор, но большая часть исследователей склоняются к цифре в 200-250 тысяч человек.

Известно, что огромное влияние на процесс адаптации эмигрантов оказывает окружающая социальная среда страны пребывания. На фоне других регионов расселения российских эмигрантов социальная ситуация, сложившаяся в Северной Маньчжурии, была уникальна. Еще до начала массовой эмиграции в этот регион российского населения, благодаря сооружению КВЖД, здесь сформировалось особое российское социально-культурное пространство, носившее черты традиционной русской действительности, колониализма и фронта.

Опираясь на воспоминания, работы авторов начала XX в., посвященные дальневосточной окраине, и современные исторические исследования, можно вычленил некоторые основные черты социальной среды дореволюционной полосы отчуждения КВЖД. В целом, социальное пространство полосы отчуждения имело много общего с российским. Однако здесь, во-первых, гораздо интенсивнее, нежели в самой России, шел процесс перехода от сословного общества к классовому. Более значительную роль в жизненном успехе здесь играли уже не столько социальное происхождение, сколько образование, богатство, социальная активность человека, нередко сочетающаяся с известной долей удачи. Во-вторых, в зоне фронта были практически сведены к нулю национальные ограничения, имевшие место в пределах империи. В связи с чем, широчайшие возможности в Северной Маньчжурии получила предпринимательская активность представителей нерусских национальностей (особенно евреев), а также их культурно-просветительская деятельность. В-третьих, более свободные, нежели в России, нравы полосы отчуждения сочетались с традиционностью жизни русской провинции и даже некоторой «кастовостью» сознания служащих и рабочих КВЖД, обусловленной привилегированным правовым положением, особыми условиями труда и быта. Элементы «колониального сознания», характерные для представителей российской общины, вместе с высокой степенью религиозной, культурной и языковой чуждости коренного населения обусловили обособление русских от местного китайского населения.

Разрушение российского государства с его социальным контекстом в результате революции 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войны не сказались столь фатально на системе социальных связей и социальной циркуляции в полосе отчуждения. И даже утрата российской диаспорой особого положения в Китае не могла мгновенно изменить весь строй жизни, действие ранее существовавших социальных механизмов, бытование прежних стереотипов, моделей восприятия социальной действительности.

Практически все российские беженцы, оказавшиеся на территории Китая, испытали резкое падение своего социального статуса, что особенно сказалось на положении бывших привилегированных социальных слоев Российской империи.

Индивидуальные представления об успешности адаптации весьма разнообразны и субъективны, однако исследование нами большого числа биографических случаев позволяет выделить достаточно ограниченный набор таких

представлений, распространенных в эмигрантской среде. За исключением казачьего и крестьянского населения земледельческих районов Маньчжурии (главным образом, Трехречья), почти в неприкосновенности сохранивших традиционные социальные ценности, для российских эмигрантов, выходцев из различных социальных слоев, был характерен приблизительно одинаковый набор социальных показателей, выступавших и показателями адаптированности. Опираясь на биографические данные, мы можем предположить, что из множества показателей адаптированности в процессе приспособления эмигрантов материальное положение и социальный статус (включая образовательный и профессиональный) представляли собой одни из важнейших показателей адаптированности к новой среде. Соответственно показателем успешной адаптации могли являться материальное благосостояние и высокий социальный статус в рамках эмигрантской колонии, а показателем низкой адаптации – материальное неблагополучие и низкий социальный статус или его утрата, маргинализация.

Особенности протекания социальной адаптации эмигрантов на индивидуальном уровне напрямую зависели от индивидуальных стартовых условий этого процесса. Таких факторов, как сохранение (хотя бы частичное) семейных, индивидуальных, групповых и других ресурсов или их полная утрата, половозрастная и национальная принадлежность, профессионально-образовательный уровень.

Вплоть до конца 1922 г. перспективы долгосрочного пребывания за границей еще не овладели умами основной массы беженцев, и их адаптационная активность во многом была обусловлена первостепенными потребностями в работе и жилье. Изменившаяся ситуация в конце 1922 г. потребовала серьезного, долговременного устройства на новом месте, включения в новую социальную среду, которое могло бы обеспечить эмигрантам достаточно высокий уровень благосостояния, возможность реализации собственных образовательных и профессиональных потребностей и потребностей детей, и в то же время способствовало бы сохранению прежней культурной самоидентификации. На основании изучения биографических материалов мы можем предположить, что социальная адаптация российских эмигрантов в Северной Маньчжурии в период 1920-х – начала 1930-х гг. осуществлялась главным образом путем интеграции эмигрантов в профессионально-производственные сферы региона.

Приоритет профессионально-производственной интеграции в направленности адаптационного процесса российских эмигрантов в Северной Маньчжурии в 1920-е гг. был обусловлен рядом следующих факторов. Во-первых, в полосе отчуждения КВЖД, как зоне фронта, приоритет в достижении жизненного успеха изначально имела не столько социальная принадлежность, сколько профессиональная, деловая активность индивида, его конкурентоспособность в рыночных структурах. Во-вторых, рыночная экономика Маньчжурии в 1920-е гг., несмотря на чередующиеся спады и взлеты, в целом была на подъеме. В-третьих, использование стратегии интеграции в общественно-политическую и культурную сферы ОРВП было практически невозможно, вследствие периферийности и постоянного сокращения значимости эмигрантских общественно-политических структур в системе социальных институтов

Маньчжурии, и, с одной стороны, стремления русских сохранить этнокультурную изоляцию, а, с другой стороны, отторжения китайской культурой всего иностранного. В частности, биографический материал показывает, что занятие политикой и связанная с этим военная служба в китайской армии, не только не способствовали повышению социального положения эмигранта, но и могли стать серьезным препятствием в развитии его социальной карьеры.

Адаптация к социально-культурной среде Северной Маньчжурии преимущественно путем включения в ее профессионально-производственные сферы в наибольшей степени соответствовала представлениям значительной массы российских эмигрантов о некоем приемлемом образе жизни в условиях эмиграции и не вступала в острое противоречие с поведенческими требованиями, предъявляемыми к эмигрантам средой. Уже в начале 1920-х гг. на маньчжурском рынке труда выделился ряд приоритетных для российских эмигрантов сфер занятости, которые в основном соответствовали дореволюционной «русской сфере». Это были частная коммерческая, юридическая, медицинская, издательская и другая деятельность, служба на КВЖД, в крупных российских и иностранных фирмах и учреждениях, а также в некоторых административно-управленческих структурах ОРВП. Самой приоритетной сферой занятости на протяжении 1920-х гг. являлась КВЖД, олицетворение русского присутствия в крае. Для российского эмигрантского населения земледельческих районов ОРВП безусловный приоритет в сфере занятости сохранял сельскохозяйственный труд. Занятость в указанных сферах обеспечивала эмигранту достаточно благоприятное материальное и социальное положение.

Уровень конкуренции в указанных нами сферах занятости был очень высок, особенно на железной дороге. Чтобы проникнуть и удержать свое положение в привилегированных сферах занятости эмигранты использовали ряд стратегий. Во-первых, смена правового статуса - приобретение относительно устойчивого правового положения, путем принятия советского, китайского или какого-либо еще гражданства. Особенно актуальной данная стратегия являлась для представителей предпринимательских кругов, людей занятых на КВЖД с 1924 г. и в некоторых административных органах (например, полиции). Во-вторых, использование различного рода связей - национальных, корпоративных, родственных. Во многом благодаря устойчивым связям представители нерусских национальных общин выходцев с территории России (евреи, армяне, татары) удерживали ведущее положение в российских экономических структурах региона. В-третьих, получение образования и профессиональная переквалификация, целью которых являлись получение «нужной» в условиях Маньчжурии 1920-х гг. образовательной и профессиональной квалификации. Данная стратегия практически не прослеживается у казаков и крестьян в сельских районах Маньчжурии. В-четвертых, выгодные браки, что имело особое значение для женщин, успешность адаптации которых, как и традиционный тип включения в социальную среду, были во многом связаны с институтом брака. Вместе с тем, в условиях эмиграции усилилась тенденция к эмансипации в среде русских женщин, главным образом, городских жительниц. Многие из них преуспели на профессиональном и общественном поприще.

Несмотря на некоторую внутреннюю нестабильность, в целом на протяжении 1920-х гг. ситуация для адаптации российских эмигрантов к социальной среде Северной Маньчжурии, основной направленностью которой являлась интеграция в профессионально-производственные сферы региона, была достаточно благоприятна. Но в конце 1920-х - начале 1930-х гг. эта направленность претерпела определенные изменения. Главной причиной тому стали такие факторы, как резкое ухудшение политической обстановки в регионе, вызванное советско-китайским конфликтом вокруг КВЖД в 1929 г., и осложнение экономической ситуации под влиянием мирового экономического кризиса. В этот период начинается политизация эмигрантского сообщества, а политическая активность перестает быть чем-то совершенно запрещенным, отрицательно влияющим на социальную карьеру индивида.

С началом оккупации Маньчжурии японскими войсками в 1931 г. социальная ситуация в регионе претерпела коренные изменения. Переструктурирование общества шло в направлении все большей его политизации, что обусловило и политизацию жизни российской эмигрантской колонии. К середине 1930-х гг. во главе эмигрантской колонии встали прояпонские политические силы, было объявлено о политическом характере эмиграции, началось активное проникновение политики во все сферы жизни колонии, что сочеталось с «японизацией» маньчжурского общества, коренной частью которого были объявлены и русские эмигранты. Все эти процессы в диссертации показаны через личное восприятие эмигрантов, участников событий.

Политизация всех сторон жизни маньчжурского общества и эмигрантской колонии на протяжении 1930-х гг. привела к формированию в его рамках некоего нормативного стиля жизни индивида, отвечающего требованиям новой ситуации в обществе. Поведенческим императивом этого стиля жизни являлись политическая лояльность и благонадежность индивида. Главной ценностью для индивида стали государственные интересы. В значительно меньшей степени политизация затронула жизнь казачьего и крестьянского населения земледельческих районов Маньчжурии.

Политическая благонадежность в новых условиях стала неизмеримо более важной характеристикой индивида, нежели его профессиональная квалификация, социальное и экономическое положение. На протяжении 1930-х гг. профессиональная квалификация, прежнее высокое социальное и экономическое положение стали играть все меньшую роль в достижении индивидом жизненного успеха. Характерно и то, что сферы, ранее являвшиеся наиболее вероятными каналами достижения социального успеха, в 1930-е гг. крайне сократились или вовсе исчезли. Резкое ослабление рыночных тенденций в экономике Маньчжурии, усиление роли государства и подчинение экономики решению политических задач внесли значительные изменения в структуру занятости российских эмигрантов. Сузилась сфера применения частной инициативы, к середине 1930-х гг. наступил закат КВЖД, как коммерческого предприятия, а после его продажи советской стороной, оно вообще выпало из «русской» производственной сферы. Выросла безработица. К концу 1930-х гг. широкое распространение получила практика административного распределения трудовых ресурсов.

Изменение социальной ситуации в Маньчжурии в 1930-е гг. значительно скорректировало процесс социальной адаптации российских эмигрантов. В новой ситуации проблема выбора эмигрантами соответствия новой, предлагаемой средой поведенческой модели, как это показано в диссертации, могла быть решена тройко. Первый вариант - это отказ от адаптации в изменившихся условиях, приведший к значительному оттоку русских из Маньчжоу-го. Вторым вариантом являлось вынужденное следование новым требованиям среды без какой-либо интеграции в нее. Многие из этих эмигрантов владели «жалкое существование». Третьим вариантом выбора являлось принятие индивидом новых условий и стремление использовать их для достижения своего жизненного успеха. В новых условиях основной направленностью адаптационного процесса для эмигрантов стала интеграция в политическое пространство Маньчжоу-го. Именно политическая интеграция открывала сейчас возможность для включения индивида в профессиональную, социальную и другие сферы. Полная лояльность к властям, политическая благонадежность и активность способствовали достижению индивидом высокого социального статуса, а также доступа в ставшие приоритетными сферы занятости (прежде всего, властные структуры).

В сложившейся новой социальной ситуации, где приоритет получила политическая интеграция, выделился ряд адаптационных стратегий, которые использовали эмигранты. Ими являлись стратегии изменения правового статуса (прежде всего, отказ от прошлого советского гражданства), политической активности (участие в деятельности политических организаций и объединений), опоры на прошлые заслуги и связи, преимущественно в политических кругах. Стремление обеспечить успех своей социальной карьере заставило некоторых эмигрантов прибегнуть к фальсификации особо значимых в новых условиях фактов своих биографий, политической «мимикрии» и т.п. Женщины-эмигрантки, представительницы первого поколения, практически не использовали стратегию политической активности.

В условиях заключения договора о ненападении с СССР и начавшейся Тихоокеанской войны, ранее приоритетные цели борьбы против Коминтерна отошли на второй план, что предопределило судьбу эмигрантских политических организаций, их роспуск. В этих условиях политическая активность эмигранта больше не способствовала его социальной карьере. В годы войны, особенно к ее концу, большинство российских эмигрантов в Маньчжурии, охваченные подъемом патриотических настроений, совершенно отказались от политических средств социальной адаптации и нередко участвовали в анти-японском движении. В дальнейшем судьбы тех эмигрантов, кто, несмотря на сложные условия социальной адаптации в 1930-е - первой половине 1940-х гг., сумел приспособиться и достичь успеха в своей социальной карьере, и тех, кто по тем или иным причинам не смог адаптироваться, оказались в руках советского правительства. Для многих эмигрантов советская администрация не оставила никаких шансов для приспособления к новым условиям существования после падения японского режима в Маньчжурии, превратив их в «рабочий материал» в недрах ГУЛАГа.

В третьей главе исследования «Второе поколение российских эмигрантов» представлен процесс приспособления тех, кто оказался в эмиграции детьми или родился вскоре по прибытию туда родителей, то есть в начале 1920-х гг.

Несомненно, процесс адаптации представителей второго поколения эмигрантов к новой социально-культурной среде имел определенные, порой значительные отличия. Они коренились, прежде всего, в том, что дети, в отличие от взрослых эмигрантов, не испытали столь резкого разрыва с прежней социально-культурной реальностью, поскольку еще не были столь прочно и многоканально интегрированы в нее. Процесс социальной адаптации детей к новой среде был тесно связан с процессом их социализации, становления личности и главные институты социализации (семья и система образования) во многом определяли какие образцы поведения, ценностные установки, способы адаптации приобретали дети-эмигранты. В связи с этим особенно интересным для нас представляется изучение того, как семья, система образования и другие социальные институты влияли на формирование ориентации индивида на достижение высокого материального и социального положения.

Те семьи, которые в процессе эмиграции сумели сохранить свои ресурсы (финансовый и культурный капитал, капитал связей) и принадлежность к сфере «привилегированных» профессий, как правило, быстрее и успешнее проходили первый этап «вхождения» в новую среду. Сохранение семейных ресурсов не только обеспечивало материальную базу будущей социальной карьеры детей, но и давало возможность в случае принадлежности к бывшим привилегированным сословиям поддержания их культурного воспроизводства и идентификационной принадлежности к высокому социальному статусу. Устойчивый способ трансляции идентификационной принадлежности, построенный на основе традиций, был характерен для казачьего населения сельскохозяйственных районов Маньчжурии.

Культивированию идентификационной принадлежности к высокому социальному статусу детей-эмигрантов, выходцев из различных социальных слоев, способствовало также существование соответствующих социальных стереотипов, присущих как всему эмигрантскому сообществу, так и его отдельным этническим и социальным группам. Бытование некоего обобщенного социального стандарта, характерного для представителей российской эмигрантской колонии, в известной степени определяло процесс социализации детей-эмигрантов, а социальные условия в регионе в 1920-е гг. обозначили основное направление формирования адаптационных стратегий детей - интеграцию в приоритетные профессионально-производственные сферы Северной Маньчжурии путем получения образования и высокой профессиональной квалификации.

Зачастую для семей, утративших свои ресурсы и часть своих членов (прежде всего глав семей) возможности осуществления внутрисемейной культурной и социальной трансмиссии были затруднены, что нередко вело к использованию дезадаптационных стратегий, выражавшихся прежде всего в девиантном поведении. Наиболее распространенными видами девиантного пове-

дения молодых эмигрантов в 1920-е гг. являлось бегство из дома в китайскую армию и участие в политической деятельности.

Первым шагом на пути удачной интеграции детей в привилегированные сферы занятости являлось для городских семей получение их детьми хорошего уровня образования. В казачьей и крестьянской среде земледельческих районов Маньчжурии ценность образования не была столь высока. Возможности для получения образования русскими детьми в бывшей полосе отчуждения, прежде всего Харбине, были достаточно широки. Существовали разнообразные виды и типы средних учебных заведений. Мы выделяем два основных вида школ - собственно русскую эмигрантскую и англоязычную, чье влияние на формирование личности ребенка в значительной степени различались. Русская школа стремилась, чьей основной целью было сохранение в неизменном виде традиционных ценностей русской культуры, стремилась, прежде всего, сохранить в детях их этнокультурную принадлежность, ограничивая тем самым проигрывание репертуара жизненных стратегий рамками «русского социально-культурного пространства». Англоязычная эмигрантская школа, ориентируя детей, прежде всего, на социальный успех в будущем, способствовала формированию инновационного типа личности, более свободной в выборе жизненных ориентации.

После окончания школы многие представители второго поколения, выходящие из семей с различным материальным уровнем, были ориентированы на продолжение образования в вузах. В этом отношении Харбин, где действовало четыре русских вуза, готовивших специалистов с региональной спецификой, давал неплохие возможности. Часть семей, особенно состоятельных, отправляли своих детей для получения высшего образования за границу. Значительная часть молодых эмигрантов, учащихся вузов, так и не сумели их окончить, главной причиной чему являлась материальная несостоятельность их семей.

Даже самые старшие представители второго поколения окончили вузы и начали свою социальную карьеру в конце 1920-х - начале 1930-х гг., когда ситуация в регионе начала коренным образом меняться. В условиях превращения политической интеграции в основную направленность адаптационного процесса молодые эмигранты оказались в сложном положении, поскольку в основе формирования их жизненных стратегий лежали, прежде всего, образовательно-профессиональные ценности.

Изменившаяся социальная ситуация в регионе привела к значительному оттоку молодых эмигрантов из Маньчжоу-го, главным образом в Шанхай. Многие эмигранты, вынужденные приспосабливаться к новым условиям, совершенно отказались от интеграции в новую среду, тщательно избегая вовлечения в мероприятия японских властей, которые рассматривали русскую молодежь наряду с представителями других национальностей Маньчжоу-го как потенциальный объект для подготовки «нового человека», строителя Восточно-азиатской сферы совместного процветания. Молодые эмигранты, избравшие интеграцию в политическую сферу Маньчжурии в качестве основной адаптационной ориентации, использовали такие каналы для повышения своего социального статуса, как политические организации, образование и армия. Политические организации, образование и отчасти армия открывали возмож-

ности для включения в наиболее приоритетные сферы занятости, а иногда и путь к «богатству».

В годы Тихоокеанской войны, в условиях дезориентации эмигрантской политической активности и роста патриотических настроений, использование политических средств в качестве адаптационных значительно сократилось. Наоборот, увеличился отказ использовать эти средства. Также как представители старшего поколения многие молодые эмигранты после установления советского контроля над Маньчжурией в 1945 г. оказались репрессированы, не получив возможности для дальнейшей социальной адаптации.

В заключении подведены основные итоги и сделаны выводы по проблемам исследования. Автор пришел к следующим основным положениям:

- в ее «индивидуальном» измерении социальная адаптация эмигрантов зависела от таких факторов, как образовательно-профессиональный уровень, половозрастные характеристики, национальная принадлежность индивида, наличие определенных ресурсов; вместе с тем, деятельность отдельных индивидов разворачивалась в уникальном социально-культурном пространстве Северной Маньчжурии, во многом задававшем социальный стандарт, на который ориентировались в своей адаптационной деятельности эмигранты;

• внутренняя социально-культурная, экономическая и политическая ситуация в регионе обусловила основную направленность процессов адаптации эмигрантов к новой среде (профессионально-производственную интеграцию в 1920-е гг. и политическую интеграцию в 1930-е - первой половине 1940-х гг.), а соотношение между предлагаемой средой поведенческой моделью и представлениями индивидов - выбор тех или иных адаптационных стратегий или отказ от адаптации;

- различия в процессе адаптации представителей первого и второго поколений эмигрантов были обусловлены, прежде всего, тем, что социализация детей-эмигрантов проходила совершенно в иных (хотя в чем-то и сохранявших прежние черты) социальных условиях, внося значительные коррективы в систему ценностей, социальных ориентации и установок представителей второго поколения эмигрантов;

• результативность процесса социальной адаптации эмигрантов, выражавшаяся, по нашему мнению, в траекториях социальной мобильности индивидов, не являлась величиной постоянной и колебалась как в зависимости от изменения социальной ситуации в Северной Маньчжурии, так и от превалярования определенных социальных ценностей в сознании, как основной массы эмигрантов, так и ее отдельных групп.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Архивно-следственные дела репатриантов из Китая как источник по истории российской эмиграции. Статья. // Вопросы всеобщей истории: Сб. научных и научно-методических трудов. Вып.1. Екатеринбург: УрГПУ, 1999. С.25-34.0,5 п.л.

2. «Чтобы помнили...»: судьбы неизвестных офицеров белой армии. Статья. // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 2000. №7. С.87-92; 2001. №9. С.100-105.1,4 п.л.

3. Российские офицеры в Маньчжурской эмиграции: проблема адаптации. Статья. // Проблемы всеобщей истории в контексте подготовки педагогических кадров. Вып.2. Межвузовский сб. научных трудов. Екатеринбург: УрГПУ, 2000. С.44-58.0,8 п.л.

4. «Жизненные истории»: текст и его интерпретация. Статья. // Запад, Восток и Россия: проблемы истории, историографии и источниковедения. Вып.3. Межвузовский сб. научных трудов. Екатеринбург: УрГПУ, 2001. С.28-36.0,5 п.л.

5. Казаки Востока России в Маньчжурии. Статья. // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 2002. №10. С.109-112.0,4п.л.

6. Репатрианты из Китая на Урале. Тезисы. // Этнокультурная история Урала. XVI-XX вв.: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург: Урал, ун-т, 1999. С.87-89.0,1 п.л.

7. Харбинское отделение Русского Обще-Воинского Союза. Тезисы. // Вторые Уральские военно-исторические чтения: Материалы региональной научной конференции. Екатеринбург Урал, ун-т, 2000. С.180-182.0,1 п.л.

8. Архивно-следственное дело: проблема достоверности информации. Тезисы. // Документ. Архив. История. Современность: Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург: Урал, ун-т, 2000. С. 130-134.0,2 п.л.

9. Школа и проблема адаптации детей-эмигрантов к новой социально-культурной среде (на примере Маньчжурии). Тезисы. // Многокультурное измерение исторического образования: теория и практика: Материалы пятых всероссийских историко-педагогических чтений. Екатеринбург УрГПУ, 2001. С.202-204.0,2 п.л.

10. Российская эмиграция в Маньчжурии (1920-е - середина 40-х гг.): «образ врага» в сознании эмигранта. Тезисы. // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: Международная научная конференция. С.-Пб.: С.-Пб. гос. ун-т, 2001. С.241-243.0,15 п.л.

П. Роль русской организации скаутов в патриотическом воспитании эмигрантской молодежи в 1920 - середине 40-х гг. (на примере Маньчжурии). Тезисы. // Гражданственность и патриотизм в XXI в.: теория и практика: Всероссийская научно-практическая конференция. Екатеринбург: УрГПУ, 2002. С.200-202.0,1 п.л.

Всего по теме диссертации опубликовано 11 печатных работ общим объемом 4,45 п.л.